

Исследователь, по-видимому, придерживается мнения, что игра в раздвоение, нарушение симметричности явлений и мировосприятия являются необходимой предпосылкой осознания и снятия раздвоения в пределах индивида и общественного целого. Той же цели служит во время праздника обмен — от обмена дарами до обмена словами. Можно сказать, что праздник развенчивает того «плохого другого» в мире и во мне самом, перед которым я иногда беспомощен наедине с собою, наедине с зеркалом.

Подводя итоги исследования Л. А. Абрамяна, хочется подчеркнуть не только профессиональные достоинства, но и принципиальный смысл его работы. Книга «Первобытный праздник и мифология», несомненно, находится в русле намеченной в трудах М. М. Бахтина и других ученых переориентации гуманитарного мышления на новое понимание единства духовно-идеологических систем в истории культуры. Прямым выражением этой тенденции является общая характеристика праздника, которой автор заканчивает свою книгу: «Система как бы постоянно стремится изменить свой тип симметрии — стать из зеркально-симметричной центрально-симметричной. Вместе с тем она вечно стремится и к некоторой асимметрии. Части целого симметрично обмениваются дарами, но так, что целое не покоится в абсолютном равновесии, а движется вперед» (с. 188).

В. Л. Махлин

НАРОДЫ СССР

Б. Х. Бгажноков. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983.

Общение — одна из тех сфер культуры, в которой наиболее ярко проявляются особенности поведения представителей различных народов, их моральные ценности, специфические черты социальной организации. Поэтому изучение общения представляет несомненный интерес не только для психологов, лингвистов, социологов, специалистов по семиотике, но и в не меньшей мере для этнографов. Однако до последнего времени немногочисленные этнографические работы в этой области носили преимущественно описательный и фрагментарный характер¹. Несколько лет назад вышла книга Б. Х. Бгажнокова «Адыгский этикет» (Нальчик, 1978). Она явилась, по сути дела, первым отечественным исследованием целостной системы традиционных правил поведения у адыгов и была по достоинству оценена специалистами². В ряде последующих публикаций автор сформулировал теоретические вопросы этнографического исследования общения³. Для многих этнографов как бы заново открылась целая область этнографии со множеством сложных и увлекательных сюжетов.

И вот перед нами новая книга того же автора. В самом ее названии есть слово «Очерки», но сразу же хотелось бы подчеркнуть, что общая картина культуры общения адыгов вырисовывается достаточно полно и объемно. И самое главное — это работа, хотя и выполненная на довольно ограниченном материале (адыгская группа народов), несет в себе большой теоретический заряд. Поэтому она интересна не только для относительно узкого круга специалистов по культуре адыгов и других народов Кавказа, но и для всех, кто исследует коммуникативное поведение. Именно это качество книги позволило автору рецензии, не будучи специалистом по кавказским народам, высказать некоторые впечатления самого общего характера.

В предисловии Б. Х. Бгажноков формулирует основную свою задачу следующим образом: «Показать некоторые особенности организационного строения культуры общения, специфику ее функций, средств и механизмов, живую связь всей этой сложной системы с определенными этапами социально-экономического развития адыгских народов, со спадами и подъемами их культуры, с нюансами образа жизни в целом» (с. 4).

Книга состоит из семи очерков. Тщательно составленные указатели (предметный, географических и этнических названий, местных терминов) являются хорошим подспорьем для читателя.

В первом очерке — «Аспекты традиционной благожелательности» (с. 7—21) Б. Х. Бгажноков подробно описывает технику выражения благожелательности у адыгов как в вербальном, так и в невербальном аспектах. Рассматривается и психология благожелательности, в основе которой у адыгов, как и у других народов, лежит принцип взаимного благорасположения. Здесь важно отметить, что автор прослеживает

¹ См., например: *Бартольд В. В.* Церемониал при дворе узбекских ханов в XVII веке. — В кн.: *Сборник в честь семидесятилетия Г. Н. Потанина*. СПб., 1909, с. 293—308; *Лыкошин Н. С.* «Хороший тон» на Востоке. Пг., 1915; *Васильев Л. С.* Некоторые особенности системы мышления, поведения и психологии в традиционном Китае. — В кн.: *Китай: традиция и современность*. М., 1976, и некоторые другие.

² *Арутюнов С. А., Шагиров А. К.* Б. Х. Бгажноков. Адыгский этикет. — Сов. этнография, 1980, № 2.

³ См. прежде всего *Бгажноков Б. Х.* Коммуникативное поведение и культура. — Сов. этнография, 1978, № 5.

изменения картины традиционной адыгской благожелательности, показывая ее приспособление к современным условиям.

Второй очерк посвящен принципам организации пространства в этикете. Это прекрасный образец семиотического анализа проксемического поведения адыгов. Наряду с известными универсалиями ценностной акцентировки пространства (почетное место, например, соотносится с понятиями «центр», «правый», «верх», «фасад» и т. д.) у адыгов до сих пор существуют и специфические представления о пространстве (см. с. 24—27), которые накладывают заметный отпечаток на принцип его структурирования. Правила и принципы проксемического поведения обнажаются в ситуациях их нарушения, что связано либо с неумением вести себя, либо с нарочитым нарушением правил поведения (например, с целью оскорбления), либо с инверсией обыденных правил этикетной проксемики в жестко ритуализованных ситуациях. Автор совершенно справедливо уделяет этим случаям особое внимание.

Несомненный интерес читателя вызовет третий очерк — «Коммуникативные аспекты питания». Рассмотрев правила распределения пищи (с. 55—63), а также правила подачи и приема пищи (с. 63—71), автор приходит к справедливому заключению: пищевой символизм был ориентирован не только на дифференциацию социальных ролей, но и на их консолидацию, утверждение общности и единства коллектива.

Четвертый очерк — «Образ жизни адыгской феодальной знати» состоит из нескольких разделов. Даны сведения о структуре феодальной знати (с. 73—79), основных формах и мотивах деятельности феодалов (с. 79—86). Подробно разбирается противопоставление «благородный/неблагородный» в адыгском обществе (с. 86—93), рыцарский кодекс чести (с. 93—105), семиотика бытового поведения феодальной знати (с. 105—117).

Аксиологический подход к быту и поведению феодальной знати правомерен. Однако целый ряд упреков в ее адрес не кажется бесспорным. Можно ли, например, говорить о том, что феодалы не справились с задачами культурного развития народов (с. 115), если такие задачи перед ними реально никогда и не стояли?

Исследование корпоративных языков: «охотничий язык» (с. 118—123) и «язык наездников» (с. 123—131), предпринятое в следующем очерке, имеет не столько лингвистическое, сколько культурологическое значение, поскольку функционирование этих языков теснейшим образом связано с особенностями социальной организации, образом жизни и картиной мира, характерными для различного рода этнических общностей.

В шестом очерке рассматривается соотношение традиционной культуры поведения и современного быта адыгов. Говоря о трансляции культуры, автор отмечает процесс перестройки информационных связей, увеличение и уплотнение информации. Интересны соображения о различных формах актуализации элементов традиционной культуры в современных условиях (ср. концепцию вторичных форм культуры К. В. Чистова)⁴. Но еще больший интерес вызывает предложенное Б. Х. Бгажноковым различие явных (общепринятых, ритуально оформленных) и неявных (скрытых, неафишируемых) моделей культуры (с. 143—145). «Чаще всего неявная культура является обратной стороной явной, общепринятой культуры, ее дополнением или антиподом, выступающим и в виде неосознанных или малоосознанных побуждений, влечений, оценок. Например, очень сложные правила подобающего поведения, принятые у адыгов, дополняются серией неявных форм культуры: побуждениями действовать или хотя бы мыслить вразрез с общепринятыми правилами» (с. 144). Изучение структуры неявной культуры, безусловно, поможет лучшему пониманию многих особенностей соотношения нового и традиционного в культуре любого этноса.

Наконец, последний очерк — «Этнография общения: предмет, проблемы, опыт» посвящен теоретическим и методологическим принципам изучения культуры общения. Прежде всего автор стремится определить предмет и задачи этнографии общения. «Для лингвистики, семиотики, психологии этническая специфика общения — всего лишь иллюстрация к некоторым сложившимся в этих науках понятиям, законам, категориям; в этнографии она обретает иное качество — качество предмета и, следовательно, может рассматриваться как одна из важнейших и неотъемлемых сторон культуры этноса» (с. 159). Б. Х. Бгажноков справедливо полагает, что «этнография общения» может получить статус субдисциплины общей этнографии только при наличии достаточно серьезного теоретического обоснования (с. 160). Собственно, таким обоснованием и представляется данный очерк. Каковы же, по мнению автора, основные задачи этнографии общения? «Прежде всего это выявление организационного строения и организационных форм культуры общения, их связи с определенными этапами исторического развития этносов, со всеми другими компонентами культуры. Сверхзадача этнографии общения — показать место коммуникативной деятельности в жизни этноса. Все усилия, направленные на определение предметной области этнографии общения, ее понятийного аппарата, методологии и методики, должны быть подчинены этой основной задаче» (с. 161).

Анализируя компонентный состав культуры общения, Б. Х. Бгажноков вводит два очень важных понятия: стандарты и атрибуты общения. Под стандартами общения автор понимает «общепризнанные шаблоны коммуникативного поведения, приуроченные к типичным, часто повторяющимся ситуациям взаимодействия: приветствие, прощание, представление во время знакомства, выражение благодарности, проклятия, клятвы, специфическое, социально заданное произношение отдельных слов и звуков,

⁴ Чистов К. В. Традиционные и «вторичные» формы культуры. — В кн.: Расы и народы. В. 5. М.: Наука, 1975, с. 32—41.

коммуникативные жесты, позы, мимические движения и т. д.» (с. 165). К атрибутике общения относятся этикетно значимые детали костюма, различные предметы и операции с ними, нормы проксемического поведения (например, этнокультурные нормы выбора физической дистанции между участниками общения) и т. п. (с. 170—174). Разумеется, общение само по себе основывается на схеме коммуникации, описание которой предполагает выделение таких составляющих, как адресат и адресант, их «языки», канал связи, сообщение, контекст и т. д. (ср. хотя бы классическую схему Р. Якобсона). Но поскольку речь идет не о структуре общения, а о структуре *культуры* общения, выделение стандартов и атрибутов общения представляет несомненную операцию ценностную.

Собственно этикетный план общения удачно интерпретируется с помощью выделения парадигматики (включающей биосоциальные признаки участников общения: возраст, пол, социальный статус и т. д.) и синтагматики (способа развертывания того содержания, которое задано парадигматикой).

Интересны соображения автора о способах трансляции культуры общения, ее производства и воспроизводства. Не отрицая роли подражания в этом процессе, Б. Х. Бгажноков выделяет и другие факторы, обращая особое внимание на этнические специфические формы идеализации традиционной культуры общения. «Техника идеализации,— пишет он,— весьма разнообразна. Самый распространенный способ — выражение всего многообразия содержащихся в этикете принципов и правил взаимного обхождения в виде высокоценных, обобщенных, абсолютных категорий или символов» (с. 194). Таковы, например, *гири* у японцев или *намус* многих народов Кавказа и Средней Азии. Важное значение в процессе воспроизводства правил взаимного обхождения имели также писанные своды таких правил (типа «Законов Ману»), пословицы, притчи и другие жанры фольклора.

Плодотворным представляется выделение двух исследовательских уровней этнографического анализа общения — этносоциологического и этнопсихологического со своими задачами и приемами изучения (с. 204). Думается, однако, что анализ общения будет неполным без его рассмотрения на третьем — этносемиотическом уровне.

Итак, речь идет о книге, представляющей собой новое слово в этнографическом и общетеоретическом изучении культуры общения. И все же некоторые положения автора спорны. Основной упрек — следование этнографической литературе, идеям и концепциям не самого высокого научного уровня. Речь идет об использовании своего рода штампов этнографического истолкования социальных фактов. К их числу относятся, например, ссылки на магию в качестве достаточного объяснения непонятного или неизвестного. Почему-то считается, что уже само объявление того или иного объекта (вещи, процесса, персонажа и т. д.) магическим (или ритуальным) дает ему полное истолкование. Между тем объяснение, по сути дела, еще и не начиналось. В лучшем случае всего лишь установлена принадлежность данного явления к магической (ритуальной) сфере. После этого как раз и должна следовать интерпретация, т. е. определение места этого явления в конкретном магическом или ритуальном контексте, его функциональных характеристик, приписываемых ему значений.

Спорным представляется распространенное определение ритуала как разновидности обычая (с. 4 и др.). Ритуал — своеобразная программа поведения коллектива в кризисных, экстремальных ситуациях, в то время как обычай соотносен с нормой и действует в промежутках между ритуалами. Во время ритуала действие обычая отменяется так же, как и ритуал не имеет смысла в обыденных ситуациях. Эти два механизма регуляции поведения не пересекаются, принадлежат разным уровням соционормативной сферы культуры. А из общих соображений (в ритуале происходит подтверждение истинности действующих в коллективе норм сакральным образом) можно скорее предположить обратное соотношение: обычай как функция (дериват) ритуала.

Или другой пример следования установившимся (и потому кажущимся незыблемыми) схемам. Автор прав, говоря о том, что традиция, воплощенная в обычаях и ритуалах, мотивируется не только иррационально, но и рационально, логически (с. 5). Только почему синонимом иррационального является эмоциональное (с. 5)? Вообще давно уже назрела проблема серьезного обсуждения прагматики этнографических фактов.

Повторяю, подобного рода штампы свойственны многим этнографическим исследованиям, но в работе столь высокого научного уровня, как рецензируемая книга, они особенно досадны.

В заключение хочется еще раз подчеркнуть, что книга Б. Х. Бгажнокова — событие в отечественной этнографии, исследование, которое надолго определит направления и характер поисков в области этнографии общения.

А. К. Байбури